

Александра Раскина

«А мой папа считает...»

(из воспоминаний о Л.В.Кнориной).

Что нас с Лидой объединяло? Много. Филфак, лингвистика, служба, общие друзья, английские книжки... Но прежде всего – детство. Очень домашнее, с бабушками и дедушками. С родителями, которые «занимались нашим воспитанием» (неважно, что лидины родители были в разводе. Присутствие каждого из родителей в нашей жизни чувствовалось ежечасно). С книжками и болезнями. Мы читали, болея, и болели, читая. Мы болели, а родители, бабушки и дедушки за нас тревожились.

В школе вся эта домашняя атмосфера чувствовалась. Она как-то за нами стояла. И нас обеих в школе дразнили. Лида рассказывала, что её в первом классе дразнили так:

Папочка, мамочка,
Ушко болит.
«Вызовите доктора», –
Няня говорит.

В моём детстве такой дразнилки не было, но «ушко болело» часто и сильно, и доктора вызывали. Когда мне было шесть лет, родители вызвали знаменитого отоларинголога профессора Фельдмана. Я помню его до сих пор. Семейная легенда гласит, что он осмотрел меня и сказал, что каждый год, пока мне не исполнится девять лет, в конце февраля – начале марта (!) у меня будет воспаление среднего уха, а потом всё пройдёт. И так всё и случилось. Я потому это так подробно рассказываю, что сюжет этот переходит к делу врачей и понадобится мне впоследствии для разговора о лидином отце, писателе Владимире Яковлевиче Барласе.

Итак, январь 1953 г. Мне ещё нет одиннадцати лет. Прихожу я в школу, и в раздевалке Наташа Ш., дочь мидовского работника, кричит мне со злорадством (которое я осознала много позже): «Слыхала – евреи, врачи, шпионами оказались!» Я, надо сказать, совершенно не приняла это на свой счёт, а заинтересовалась и прочла газету. Газета произвела впечатление, особенно знакомая фамилия Фельдмана. С ума сойти: шпион, убийца, а я его знаю! Я пошла поделиться с мамой¹, но мама оборвала меня сразу: сказала, что ей на эту тему говорить неприятно. Ну, тогда я к папе²: смотри, мол, папа, профессор Фельдман оказался шпионом и убийцей. А ведь он к нам приходил, он мог меня убить! Папа поморщился и сказал: «Ты видишь, что здесь написано? Крупных партийных работников и членов правительства. Кому ты нужна, убивать тебя?!»

Помолчал и с усилием добавил: «И, пожалуйста, не болтай об этом в школе». Вот в такое время мы с Лидой росли. Я была маленькая и очень разговорчивая, и мне до поры, до времени не объясняли, что происходит. Сестре моей, старше меня на пять лет, – объясняли. Думаю, что Лиде, которая была ещё моложе меня, тоже вряд ли говорили всё как есть. Но вот Евтушенко на вечере памяти Владимира Яковлевича вспоминал, что он, Евтушенко, поверил тогда «Правде», а Владимир Яковлевич объяснил ему, что это всё ложь и врачи невиновны. Сколько лет тогда было Евтушенко? Восемнадцать? Конечно, не ребёнок уже, но ведь не сын, не брат, чужой человек... Свидетельствую, что для того времени это был поступок из ряда вон выходящий. Но Владимир Яковлевич весь был такой – из ряда вон выходящий. Причём нельзя сказать, что он ничего и никогда не боялся. Уже позже, и не в такие грозные времена, в 1958 г., когда начали травить боготворимого им Пастернака, он не решился отправить ему по почте сочувственное письмо, а поехал и опустил письмо в почтовый ящик. Владимир Яковлевич сам написал об этом³ Ему было нужно об этом рассказать. Его вообще очень раздражали разговоры о

¹ Фрида Абрамовна Вигдорова (1915-1965), писательница.

² Александр Борисович Раскин (1914-1971), писатель.

³ В.Я. Барлас, *О Пастернаке*, «Нева» № 8, 1980.

том, что чуть ли не все всё понимали в 30-х годах, или что уже в хрущёвские времена всеобщему страху пришёл конец. Владимир Яковлевич считал необычайно важным, чтобы эпоха в этом смысле отражалась в воспоминаниях адекватно: нет, не все всё понимали, и нет, не прошёл страх сразу после смерти Сталина. Сложнее всё это было.

Возвращаясь к лидиному детству и болезням. Когда я познакомилась с Лидой, уже во взрослом возрасте, она была убеждена, что от человека, от его воли, от психологического настроя зависит, чуть ли не полностью, – заболеть или нет. Она рассказывала, что в четырнадцать лет, когда отец и мать тянули её в разные стороны, и ей надо было решать, с кем жить вместе, а кого обидеть, ей было так это тяжело, что она подумала: «Господи, вот бы заболеть и лечь в больницу на год!» Через несколько дней у неё обнаружили туберкулёз, и её на год положили в туберкулёзный санаторий.

Небольшое отступление по поводу этого туберкулёзного санатория. Я помню с детства: то папа, то мама говорят, что едут в какой-то туберкулёзный санаторий встречаться с детьми, которые там живут и учатся месяцами, а то и больше. Родители мои не часто ездили выступать куда-то – это отвлекало от работы, -- но в этот туберкулёзный санаторий всегда сразу же соглашались ехать: во-первых, дети, да еще больные, а во-вторых, какая-то там очень, они говорили, была хорошая воспитательница, она всё делала, чтоб ребятам скрасить как-то их жизнь, чтоб они не чувствовали себя заброшенными, -- и старалась, чтобы к ним приезжали разные люди для общения, которые могли что-то интересное рассказать или показать.

И вот оказалось, что когда Лиду там лечили, и папа, и мама мои туда приезжали, рассказывали что-то, читали свои вещи, дарили книжки. Лида прекрасно обоих запомнила, и у неё остались с тех времен и книжки с авторскими надписями – ей, Лиде, лично.

Она рассказала мне это в 1971 г., когда обоих моих родителей уже не было в живых, и меня это потрясло: это было, как привет от них. А если прибавить, что я с детства помнила этот санаторий, и как туда ездили, то всё вместе создавало ощущение, что мы с Лидой ещё вон когда были знакомы... Именно после этого её рассказа мы и стали дружить особенно близко.

Ощущению, что мы были знакомы со школьных лет, помогали лидины рассказы о детстве-отрочестве. Например, обе мы помнили в деталях поход в 1954 году в Центральный Детский театр на спектакль «В добрый час!» по пьесе Розова. Наше поколение и те, кто старше нас, помнят, каким огромным событием был этот спектакль. Наша семья отправилась в театр в полном составе, Лида – с папой. Кто знает – может, мы были там в один и тот же вечер!

Лиде, кроме самого спектакля, запомнилось, что папа велел ей даже в театр идти все в тех же чулках в резиночку, не позволил надеть взрослые – не капроновые (боже упаси) – эластичные? фильдеперсовые? Какие слова были...

Я вспомнила этот лидин рассказ, когда прочла ее записки об отце, где она поминает чулки в резиночку. Кто бы мог подумать, что образ этих несчастных чулок будет нас сопровождать всю жизнь!..

Помню рассказ, как, когда через год её выписывали (ей, соответственно, было уже пятнадцать), Владимир Яковлевич спросил врачей, можно ли Лиде пить. – Что пить? – Ну, как что? Водку, вино... – Да зачем же вам это знать, ей всего пятнадцать лет! – Ну, как это зачем? Она взрослая уже девушка, будет ходить во всякие компании, там может быть вино, я должен знать, что ей можно, чего нельзя и как её ориентировать.

Владимир Яковлевич оказался тут сильно впереди своего времени. На дворе был 1959 год, и врачи его не поняли. Но это так, к слову. Возвращаясь к власти человека над своим организмом. Вера в эту власть возникла у Лиды, я думаю, под большим влиянием отца. Когда-то, ещё в юности, у Владимира Яковлевича были проблемы со здоровьем после энцефалита, и он пошёл к психиатру. Лекарств психотропных тогда, в сущности, не было, и психиатр в основном долго и серьёзно с ним разговаривал. И сказал ему примерно следующее: «Ваше здоровье зависит от вас самого. Хотите быть здоровым – работайте для

этого, старайтесь, никто другой вам не поможет. А захотите быть больным – будете больным!» Этот разговор произвёл на Владимира Яковлевича огромное впечатление (талантливый, видимо, был доктор!), и он жил всю жизнь, руководствуясь этим принципом.

Несомненно, именно тема болезни и борьбы человека с ней привлекала Владимира Яковлевича к роману «Как закалялась сталь». Не борьба же с оппозициями в самом деле! Лида говорила, что Владимир Яковлевич считал эту книгу совершенно замечательной и уверял, что она входит в число «десяти главных книг советской литературы». Я знаю, что многие будут с этим мнением несогласны. Но я знаю также, что Владимир Яковлевич был особенным читателем, глубоким и пронзительным. И часто видел в тексте то, что другим недоступно. И я верю, что раз Владимир Яковлевич так относился к этой книге, значит, по крайней мере, что-то в ней есть, кроме борьбы с оппозициями.

Относительно влияния на Лиду взглядов отца. Это ещё одна вещь, которая нас объединяла. Хотя в нашей жизни была велика роль обоих родителей, но для Лиды главным моральным авторитетом на всю жизнь оставался отец, а для меня – мама. И обе мы, будучи уже взрослыми, а потом даже и не очень молодыми женщинами, могли (иногда и в не очень знакомой компании) в качестве аргумента в споре вдруг сказать: «А вот мой папа говорил...», «А вот моя мама считала...» Людей это удивляло, кое-кто пожимал плечами. Я это в конце концов заметила и стала себя останавливать. Думаю, что и Лида чувствовала реакцию собеседников, но она сознательно не хотела к ним приспосабливаться. И люди иногда считали её из-за этого наивной, не до конца выросшей.

А уж как бы это выглядело в Америке – страшно подумать! Там считается нормой быть с родителями в пожизненном конфликте, не соглашаться с ними ни в чём и всё делать им наперекор. Могут американцы по этому поводу над собой и пошутить. Скажем, женщина говорит что-нибудь вроде «Вот уже десять лет, как мама умерла, бедняжка, а я всё ещё ношу красное, потому что она считала, что мне это не к лицу». (Эта фраза действительно была произнесена в моём присутствии. Кто знает, может, это и не шутка вовсе.) Такой способ мышления свидетельствует, по их мнению, о зрелости. Пресловутая эта «maturity», о которой американцы начинают заботиться с младых ногтей.

Надо сказать, что то, что «папа говорил» Лиде, звучало часто очень отточено, как максима. И папа умел сформулировать, и дочка умела передать. Как звучала максима по поводу вранья, я уже говорила. Запомнился ещё такой эпизод. Когда Лида кончила университет, в аспирантуру её не взяли. Для неё – не было места. Были какие-то аспирантские места не в университете, в других учреждениях, но Лиде с её пятым пунктом (да, может, и любому человеку просто с улицы) соваться в эти учреждения самой было бессмысленно. Вот если б этим занялся кто-то из знающих Лиду преподавателей... Но, как пишет о Лиде В.А. Успенский в некрологе, «потенциал её раскрывался её окружению сравнительно медленно»; и никто, ни тогда, ни позже, лидиным устройством в аспирантуру заниматься не собирался. Я, помню, говорила тогда с некоторыми людьми по этому поводу, но безрезультатно. Мне лично лидин потенциал был ясен, и ясно было, что быстрее всего он раскроется в аспирантуре. Меня вся эта ситуация огорчала, и я в разговоре с Лидой посетовала, что, мол, такие-то люди и то должны бы, и это, а вот не делают. На что Лида ответила: «А ты знаешь, мне папа как-то сказал: «Имей в виду: тебе никто ничего не должен!»» И она действительно имела это в виду. По крайней мере, старалась.

А жить по максима́м Владимира Яковлевича было довольно трудно. Иногда просто невозможно...

Этот текст частично совпадает с текстом, опубликованным в сборнике "Жизнь прекрасна и беспощадна" В. Барлас -- Л. Кнорина. Составитель Т.В. Барлас. М. "Готика". 1997, и является частью текста, опубликованного в журнале "Вестник" (Baltimore) No. 23, 2002